

Автор - Александр Пупкин, Санкт-Петербург (Россия).

* * *

тьма не уходит
даже если включить свет
даже если станет нестерпимо ярко
и трава потянется в неизвестность
у реки живёт старое дерево
похожее на руку Бога
жёлтая птица сидит под ним
беспомощный отголосок прошлого
она смотрит ввысь угасающими глазами
дышит и цепляется за жизнь

небо пробирает озноб
на его коже появляются звёздные мурашки
странница не хотела ответов
странница всего лишь ребенок
она юная
слишком юная для безысходности

ты помнишь осень странница
скажи да
всё равно скажи да

одинокчество
это время проведённое с миром
здесь остались врозь
все твои прежние друзья
прошедшие через тебя
как ветер сквозь колокольчики
не бойся странница
конец пути ещё далеко
он уже далеко за нами

новый мир
поглощает остатки вчера
переливаясь глянцем неопределённости
жёлтая птица больше не радуется взгляд
воздух накалён до предела
звуками третьей мировой войны
обернись странница
знаки Бога повсюду

Марья теперь у пристани

Марья сидит у пристани и вспоминает многое,
к солнцу веснушки выставив, небо ладошкой трогает.
Марья рисует зарево, облако леденцовое,
вывела блики карие на' реку пританцовывать.

Делает мысли явными, стелет мазками осени:
вот у воды две яблони рыжие кудри сбросили,
вот карамельной рыбиной солнце ныряет в заводи,
следом из речки прыгает на руки к богу заново.

Вот золотистым выделен дом на заречной улице,
где у крыльца родители Марьей не налюбуются.
Мама ей гладит волосы: "Что с озорницей станется?"
Молвит отец вполголоса: "Полно, вернулась странница".

Только у Марьи в белое краски с годами выцвели
и постепенно сделалось время голодной птицею,
ищет проворней кочета в прошлом моменты свежие,
клюнуть немного хочет, но выключает, будто не' жили.

Марья уже не папина, Марья уже не мамина,

стёрто бывшее на белом, разум затмило марево,
но неизменно рано ли, поздно ли сердце верное
вновь возвращает канувших в осень сорок первого...

Урожайное

Эта стезя капризна, щедро, ревнива,
Стоит взойти на ниву – сгорбатит нива,
Захомуется, вынудит созидать.
Слово уронишь – проклюнется строчек ворох.
Сложишь неловко в строфы – родится морок,
Тлен синергии, гневная благодать.

Что там ни сей, умножит посев безмерно.
Бросишь любовь – плодятся печаль и скверна.
Ткнёшь добродетель – скопом возрастут грехи.
Тянутся мысли, вьются лозой построчно,
Крутишь, ломаешь, правишь им позвоночник,
Но урожаем снимешь недостиhi.

Хитрые, злые, вздорные – всякого сорта.
Если дозрели, за уши тянешь гордо
К небоосёдлым гениям напоказ.
Сердце ознобко и пылко в экстазе бьётся.
Вынешь уродца в люди – добьют уродца,
Разбалагурят и погребут на раз.

Отхохоча, отплача, смекнёшь о многом:
Все мы бозоны Хиггса, частицы Бога,
Знаки в узоре, взбалмошные стихи
От словоморья до самого древоречья,
Капельки-мульки в облике человечьем,
Ну и отчасти всё-таки дураки.

Конкурсная подборка 141. «От грустного до смешного».

Автор: Оргкомитет
02.04.2019 17:00

